

Иваноков Нурби Рашидович, Бижоев Борис Чамалович

АДЫГСКИЕ (ЧЕРКЕСКИЕ) ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

В статье предлагаются новые версии о происхождении слов ажэ/аччэ "козел-производитель", дыггэ/ттыггэ "солнце", дыжын/ттыжыны "серебро", жейын/ччыйэн "спать", "засыпать", кхъуей/къуайэ "сыр", малхъэ/махъулэ "зять", напIэ "веко", натIэ "лоб", папцIэ "остроконечный", пашьIэ/пачIэ "усы", пхъуантэ/пхъуант "сундук", пхъуы "дочь". Исконность перечисленных слов доказывается на материале адыгских диалектов и говоров с учетом последних достижений в области исторической грамматики и фонетики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/3-2/29.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(69): в 3-х ч. Ч. 2. С. 100-103. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.352.3'373.6

В статье предлагаются новые версии о происхождении слов *ажэ/аччэ* «козел-производитель», *дыгэ/ттыгэ* «солнце», *дыжэын/ттыжэыны* «серебро», *жэйын/ччыйэн* «спать», «засыпать», *кхъуей/кхъуайэ* «сыр», *мальхэ/махульэ* «зять», *напIэ* «веко», *напIэ* «лоб», *папцIэ* «остроконечный», *паишIэ/пачIэ* «усы», *пхъуантэ/пхъуант* «сундук», *пхъуы* «дочь». Исконность перечисленных слов доказывается на материале адыгских диалектов и говоров с учетом последних достижений в области исторической грамматики и фонетики.

Ключевые слова и фразы: словообразовательный аффикс; заимствование; происхождение; значение; морфема; исходная форма; адыгско-абхазское.

Иванов Нурби Рашидович, к. филол. н., доцент

Бижоев Борис Чамалович, д. филол. н.

Институт гуманитарных исследований

Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик

kbigi@mail.ru

АДЫГСКИЕ (ЧЕРКЕССКИЕ) ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

Этимология адыгских слов, как в целом и разработка истории становления и развития адыгских (черкесских) языков, сталкивается с такими трудностями, как отсутствие длительной письменности, с одной стороны, и малочисленность абхазо-адыгской группы кавказских языков – с другой. Как известно, этимологи в своих исследованиях опираются прежде всего и больше всего именно на древние письменные источники и данные родственных языков. Указанными причинами объясняется факт того, что эта отрасль была и остается самой слабо разработанной в адыгском (черкесском) языкознании. Те малочисленные разработки, которые все же существуют, страдают многими противоречиями и явными ошибками и поэтому требуют сейчас пересмотра, что мы и собираемся сделать в нашей статье. Наш новый подход заключается в основном в том, что главную опору мы делаем на так называемую внутреннюю реконструкцию, т.е. черпаем материал главным образом из диалектов и говоров адыгских (черкесских) языков. В этом мы имеем преимущество перед предшественниками, поскольку в новейшем периоде в научный оборот запущены многие интересные данные по диалектологии, которые им были недоступны.

1. Ажэ/аччэ «козел-производитель». Н. Ф. Яковлев разлагает кабардинскую форму *ажэ* на древний словообразовательный префикс *а-* (сравни с *абгъуэ/набгъуэ* «гнездо») и корневой элемент *жэ* [13, с. 231-232]. Ж. Дюмезиль видит в слове возможное индоевропейское заимствование и сопоставляет его с древнеиндийским *aja-*, литовским *ožys* «козел» [15, р. 17]. Б. Х. Балкаров сближает адыгское слово с нахским *бож/боджэ* «козел» [2, с. 175].

Мы считаем, что адыгская форма *аччэ/ажэ* «козел-производитель» состоит из префиксальной морфемы *а-* со значением «предмет, характеризующийся тем, что названо производящим словом» и корня *ччэ/жэ* со значением «производитель», и форма *аччэ* значит «козел-производитель». См. *уынэр мэзыхым ыгъэччы чIэхъажэыгъ / «за шесть месяцев построил дом и вселился» (пример и перевод авторов статьи – Н. И., Б. Б.)*. То, что форма *ыгъэччы* с корневой морфемой *ччы* значит здесь «быстро сделал, скомпоновал, произвел», не подлежит сомнению. Разница между двумя однокоренными формами *ччы* и *ччэ* состоит в том, что *ччы* значит «производить что-то», *ччэ* значит «производитель чего-то», ср. аналогичные отношения между однокоренными формами *пчы* «пика», букв. «стыкованное», и *пччэгуы* «кол», «стыкующийся», *псэ* «душа» и *псы* «вода» и др. Семантические отношения между членами такого рода пар не были предметом исследований и не изучались никогда. Составляющие таких пар образования отличаются друг от друга тем, что составляющие с гласным *-а-* обозначают действие, совершающееся в самом предмете, а формы с гласным *-ы-* обозначают действие за пределами обозначаемого предмета, ср. *дэн* «шить» в смысле «заниматься шитьем» и *дын* «шить что-то». Как раз таковы отношения между *ччэ* в *ажэ/аччэ* «козел-производитель» и *ччы* в *гъэччыын* «создать», «построить».

2. Дыгэ/ттыгэ «солнце». Слово адыгского происхождения. Исходная форма *ттыгэ* состоит из корневых морфем *тты* и *гэ*. Адъективная корневая морфема *тты* выступает в этой форме в значении «движущийся». В этом значении *тты* выступает также в формах *ттый шIы* «двигайся», буквально «делай движения», форме *гъэттыр* «курок», буквально «сообщающий движение», «движущий», *ттыу* «наездник», «человек, проводящий жизнь в походах» и др. Морфема *гэ* в форме *ттыгэ* значит «тепло». В этом значении *гэ* выступает в форме *гъэмаф* «лето», буквально «теплые дни». В целом форма *ттыгэ* «солнце», состоящая из названных морфем, значит «движущееся тепло». Выражение *гъэм сынэсымэ мэшишы силэн ылуагъ хэм / «доживу до лета, сказала собака, посею просо»* лишний раз подтверждает, что речь идет о тепле. В переносном значении «год» *гэ* употребляется только в кабардинском языке.

3. Дыжэын/ттыжэыны «серебро». Слово адыгского происхождения. Исходная форма *дыжэын/ттыжэыны* такое же, как и *ттыгэ/дыгэ*, адыгское образование. Состоит *ттыжэыны* из трех морфем – *тты/ды*, *жы/жы* и *ны*. Морфема *тты* выступает в форме *ттыжэын* в том же значении, в котором она выступает в форме *ттыгэ* «солнце». Морфема *жы* в форме *ттыжэыны* «серебро» означает «воздух», «дыхание», «аура». В этом значении морфема *жы*

встречается в таких образованиях, как *фыжъы* «белый», буквально «с белой аурой», *гъуэжъы* «желтый», буквально «с желтой аурой», *пльыжъы* «красный», буквально «с красной аурой», и *ттыжъы* «с движущейся аурой», в смысле «с нестабильной, изменяющейся аурой», каким является действительно цвет серебра. Суффиксальная морфема *ны* выступает в этой форме со значением «признак, имеющий отношение к тому, что названо производящим словом». Форма *ттыжъыны* в целом значит «признак с движущейся аурой».

4. Жейы/ччыйэн «спать». *Ччыйэн* состоит из *ччы* «сон», «идея сна» и *йэ* со значением «субъект», и форма *ччыйэ(н)* в целом значит «субъект (значение *йэ*), находящийся в состоянии сна» (*ччы*), ср. образования аналогичной *ччыйэн* модели: *лъэйэн* «взлететь на насест», буквально «субъект, прыгнувший на насест», *хыйэн* «двинуться», буквально «субъект двинувшийся», а также *ччыйэ* – сон, букв. «субъект сна». Указанное значение формы *ччыйэн* является значением исходным.

5. Кхъуей/къуайэ «сыр». П. Чарая сопоставил слово с грузинским *qweli* и мегрельским *wali* «сыр» [10, с. 37]. Г. В. Рогава членит основу на корневой элемент *кхъу/къу(а)* и окаменелый суффикс *-ей/йэ* [6, с. 90]. По А. И. Абдокову, с адыгским корнем одного происхождения *хъуа* в абхазском: *а-хъуарта* «плетеная корзина для хранения пищи, продуктов питания»; предполагается, что *хъуа* означает «сыр», *а-хъуарта* – «место для сыра» [1, с. 54].

Форма *къуайэ* обозначает молочный продукт, готовящийся из тронувшегося молока, откуда и само название этого продукта *къуайэ* «из тронувшегося молока». Форма *къуайэ*, таким образом, состоящая из корня *къуа* со значением «тронуться», «начать портиться» и суффикса *-йэ* со значением «предмет», значит «предмет (продукт) из тронутого молока»: *цэ уыкъуагъэм хаишычырэ ихын* «готовящийся из тронутого молока продукт», т.е. «сыр».

6. Малхъэ/махульэ «зять». По мнению А. К. Шагинова, исходная форма сохранилась в адыгейском, в кабардинском произошла метатеза с делабиализацией *хъу*, на что указывают параллели в родственных языках: абхазское *а-махъу*, абазинское *мхъуы* «зять» [11, с. 259]. Н. Ф. Яковлев усматривает в слове древний именной словообразовательный префикс *ма-*, *хъы* «сеть»; «вяжи» и *лъы* «кровь»; «род», связующий по крови (свой род с родом жены), – доказательство первичности примачества при матриархате [13, с. 273]. Эту точку зрения поддерживает А. Койперс [16, р. 85]. Г. В. Рогава членит лексему на окаменелый классный показатель *м(а)-*, корневой элемент *хъу*, увязываемый, по его мнению, с адыгским *хъу* «самец», «мужского пола», и *лъэ*. Последний компонент автор сближает с *шьа* в абхазском *айашъа* «брат» и *лъэ* в убыхском, *джыльэ* то же [6, с. 33, 64]. В абхазском и убыхском *-шьа*, *-лъэ* возводят к *а-шьа*, *лъэ* «кровь» (см. под. *шы* «брат»). Если принять вышеуказанное сближение, то в этимологизируемом слове *лъэ* естественно увязать, вслед за Н. Ф. Яковлевым, с *лъы* «кровь» [1, с. 59].

Мы считаем, что форма *махульэ* «зять» состоит из префикса *ма* со значением «субъект признака», корня *хъуы* со значением «муж», в значении «женатый мужчина» (по отношению к своей жене) [7, с. 362]. И форма *махъу* в целом значит «зять родителей своей жены». *Лъэ* – суффикс со значением «предмет» (ср. *чъыльэ* «земля», где *лъэ* выступает в том же значении). Форма *махульэ*, состоящая из названных морфем, в целом значит «предмет (лицо), являющийся *зятем*», иначе – «мужем дочери или сестры». Иными словами – «мужчина дочери или сестры».

7. НанIэ «веко». По мнению А. К. Шагинова, слово состоит из *нэ* «глаз» и *нIэ* [11, с. 274].

Мы принимаем данное толкование, но оно требует небольших замечаний, о которых необходимо помнить всегда: такой фонемы и морфемы, как *«нIуэ»*, нет в адыгских языках. Есть *«нIуэ»*, которое звучит в хакучинском говоре в виде *«нIккIуэ»*. Нет также формы *«нIуэ»* «постель», есть *«нIуэ»*, нет формы *«ТIуансэ»*, есть *«ТIуансэ»* и т.д. *«Iуэ»* в форме *«нIуэ»* выступает в значении «специальное закрытое помещение, куда могут входить только те, для которых оно построено». Ср. *«бжьаIуэ»* «пасека» – благоустроенное помещение, в котором сосредоточено все, что необходимо для работы с пчелами, *«тшишьыIуэ»* «благоустроенное помещение для наездников», а также *«Iуашъхъ»* «курган», *«нIуэ»* «футляр», «вместилище». *«ПIуэ»* же («крышка») восходит к *«нIуэн»* «прикрыть сверху».

8. НамIэ «лоб». По А. Койперсу, в первой части *намIэ* имеем *нэ* «глаз», ср. абхазское *а-лахъэ* «лоб» (*а-ла* – «глаз»), элемент *тIэ* он сравнивает с *тIэ* в *тIэхъуэн* «чесать», *тIулантIэ* «двор», *тIы* в *тIысын* «сидеться», *гъэтIыльын* «класть», «положить» и предположительно разъясняет как «поверхность», «наружная или верхняя часть» [16, р. 111].

По нашему мнению, в форме *намIэ* «лоб» нет ни одного значения из того, что здесь перечислено. В первой части формы *намIэ* *нэ* выступает не в значении «глаз», а в значении аффиксальной морфемы со значением «предмет». В этом значении морфема *на* выступает в словах, например, *натырыф* «кукуруза», *нарт* «нарт» и др., формы, которые в целом значат «предмет, дареный знак», «наездник», «рыцарь», *«шыуылI»* буквально «субстанция, которая живет походной жизнью», «субстанция, которая проводит жизнь в седле». Вторая часть формы *намIэ* – *тIэ* значит «голый». В целом форма *намIэ*, состоящая из морфем *на* со значением «предмет» и *тIэ* со значением «голый», значит «предмет голый». Морфема *тIэ* одного корня с формой *тIэчIын* «раздеть», с адыгейской формой *тIасхъ* в значении «легко взять, овладеть», «уязвимый». *Ккъэрэгъуылэ пыттэ улэп. ЧынтIэ тIасхъ* «Надежной охраны нет. Уязвимое место» [9, с. 412]. Свое название «лоб» получил оттого, что он является единственным предметом в головной части человека, который лишен растительности.

9. ПаницIэ «остроконечный». В кабардинском имеется вариант *паницIэ*, то же самое и в адыгейском и армавирском говоре, а в речи адыгейцев аула Урупск отмечают только *паницIэ* [5, с. 117]. По мнению

А. К. Шагилова, «сложение из *nэ* “нос”, здесь “передняя часть” и *nlɥɥɬэ* (*млɥэ* из *nlɥэ*). Вероятно, вторая часть родственна убыхскому *nlɥɥэ* “тонкий” (напр., о веревке)» [12, с. 39].

А. И. Абдоков соотносит данное слово с убыхским *nlɥɥэ*, абхазским *a-ɥɥара*, абазинским *ɥɥара* «острый» (о оконченике). Он считает, что в адыгских корреспонденциях начальный элемент *па* восходит к слову *nэ* «нос», «начало», «перед», а в адыгско-убыхской основе *млɥэ* содержится окаменелый классный показатель *nI* из *б* [1, с. 62].

Авторы Толкового словаря адыгейского языка полагают, что начальная *nэ/na* в адыгской форме *nanɥɥэ* значит не «передняя часть», не «начало», не «перед», а «передняя часть» в смысле «*зыгуэрэм ыначI*», где «*зыгуэрэм ыначI*» значит «кончик предмета речи» [8, с. 413]. Мы считаем такое толкование более адекватным, чем приведенные выше. Вторая основа формы *nanɥɥэ* *nlɥɥэ* состоит из морфем *nI* со значением «субъект действия, признака» + морфема *ɥɥэ* со значением «острый», «тонкий» (ср. *ɥɥэгъуы* «щуплый», «тонкий»), и форма *nlɥɥэ* в целом значит «острый», «тонкий».

Окаменелого классного показателя нет в форме *nlɥɥэ*. *III* в форме *nlɥɥэ* – живая морфема со значением «субъект признака».

Конечное *ɥɥэ* в *nlɥɥэ* значит, как отмечено, «острый». Адыгская форма *nanɥɥэ* в целом значит «остроконечный», «с заостренным кончиком». При анализе абхазско-абазинских *a-ɥɥара*, *ɥɥара* «острый» основное внимание должно быть уделено морфеме *ɥɥа* в плане установления ее значения и продуктивности для определения места этой морфемы в адыгских языках.

10. ПаушьIэ/начIэ «усы». По мнению А. К. Шагилова, форма *начIэ* состоит из *nэ* «нос» и *чIэ* «дно» и значит «дно носа» [12, с. 8]. Возможность смягчения *чIэ* в *чIэ* иллюстрируется автором наличием мягкого варианта *чIэ* у притягательного прилагательного *чIэ*: адыг. *чIэзы-н* = *чIэзы-н* «отпасть снизу» [3, с. 169]. Однако приведенные формы отличаются друг от друга не только звучанием при тождестве значений, но звучанием и значением. Можно только *столым ылъаккъуэ чIэзыгъ* «ножка стола отпала», но не *чIэзыгъ*, *бочкэм ычIэ чIэзыгъ* «днище бочки отпало», но не *чIэзыгъ*. Речь идет, таким образом, о неправильном употреблении слов, а не о каких-то преобразованиях самих форм.

Адыгская форма *начIэ* (русское *усы*) состоит из морфем *nэ* «нос» и *чIэ* «хвост», «конец». Форма, состоящая из данных составляющих, значит *начIэ* «усы», буквально «хвост носа», «конец носа».

11. Пхъуант/пхъуант «сундук». Форма *пхъуант* «сундук» образована от *пхъуэнтэн* «схватить» при помощи нулевого суффикса со значением «предмет, характеризующийся тем, что названо производящим словом», и форма *пхъуант* в целом значит «схватывающий», «берущий» (на хранение), т.е. «емкость, предназначенная для хранения нуждающихся в этом предметов». См. адыгейскую загадку: «Какой предмет характеризуется словами *ептырэр ккыуетыжъы* / что даешь ему, возвращает тебе в целостности и сохранности?». Ответ – *пхъуант* «сундук». Следует отметить, что у адыгов несколько разновидностей и названий этого предмета, см. *пхъуант* «сундук», *пхъуэнтэшку* «большой сундук», *пхъуэнтэжъый* «сундучок», *мэчэрийэ пхъуант* «сундук для вещей первой необходимости» и т.д.

Значение отрезка *-н* в форме «пхъуант», на наш взгляд, утеряно из-за утраты актуальности его значения в самой форме. Другие мнения и другие толкования данной формы см. у А. К. Шагилова [11, с. 157] и Ж. Дюмезиля [15, р. 25].

12. Пхъуы «дочь». Родственно абхазо-абазинскому *a-пхъа/пхъа*, убыхскому *пхъэ* «дочь» [17, р. 222]. Н. Ф. Яковлев членит адыгское слово на древний именной словообразовательный префикс *n-* и *хъуы* «самец», которое он увязывает с *хъуы* «спеть», «зреть», «созревать» [13, с. 274, 293; 14, с. 261]. Г. В. Рогава сближает *пхъуы* в абхазском с *a-пхъуыс* «женщина», «жена». Элемент *n* в обеих основах автор возводит к *б*, рассматривая его как окаменелый экспонент грамматического класса женщин (и вещей). Те же основы без классного показателя Г. В. Рогава видит соответственно в адыгском *хъуы* «самец», «мужского пола» и абхазском *айахъуыша* «сестра». Адыгско-абхазское *хъуы* автор сопоставляет далее с *хw* в сванском *jexw*, *hexw* «женщина», «жена» [6, с. 33, 66-77]. Н. Я. Марр сближал сванский корень с абхазским *хъ*, который этимологически он не отделял от *хъу* в вышеуказанных абхазских словах. По Н. Я. Марру, *a-пхъа* образовано сложением *a-na* «сын» (здесь «дитя» без различия пола) и *хъа* – показателя женского пола или основы со значением «женщина», «самка» [4, с. 42-43]. Последняя этимология представляется А. К. Шагилову вполне правдоподобной [12, с. 26].

Однако, на наш взгляд, все, что сказано здесь, не имеет никакого отношения к структуре и значению адыгской формы *пхъуы* «дочь». Форма *пхъуы* «дочь» состоит из двух морфем *-n* со значением «субъект», «носитель признака, действия» и морфемы *хъуы* со значением «движение», точнее «перемещение», и форма *пхъуы*, состоящая из названных морфем, значит «перемещающаяся», «переместившаяся». Разведшуюся с мужем жену адыгейцы называют словом *пхъуыжъ* «перемещавшаяся», «бывшая перемещенной», формой, которая своим значением делает неопровержимым предложенное здесь толкование формы *пхъуы* «дочь». Для значения «бывший» морфемы *жъы* ср. форму *пцъыжъ* «бывший князь» (фамильное имя).

Наше наблюдение убеждает нас в том, что этимологические исследования в адыговедении можно и нужно возродить на новом, более совершенном уровне, опираясь на новейшие разыскания в области исторического языкознания в целом и диалектологии в частности. Практика показывает, что указанная возможность во многом успешно компенсирует отсутствие таких традиционных источников для этимологии, как письменные документы и близкородственные языки. Мы убеждены в том, что именно игнорирование такого метода, как внутренняя реконструкция, и «поиски» истоков слов в языках, не связанных генетически с адыгскими (черкесскими), часто приводит к ошибочным выводам.

Список литературы

1. Абдоков А. И. Фонетические и лексические параллели абхазско-адыгских языков. Нальчик: Эльбрус, 1973. 81 с.
2. Балкаров Б. Х. Адыго-нахские языковые встречи // Материалы первой научной сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969. С. 162-183.
3. Кумахов М. А. Морфология адыгских языков. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1964. 272 с.
4. Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1938. 439 с.
5. Набокова Н. М. Некоторые особенности речи жителей аула Урупск // Адыгейская филология: научные труды Краснодарского государственного пединститута. Краснодар, 1965. Вып. 42. С. 114-124.
6. Рогава Г. В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгейских (черкесских) языках. Тбилиси: Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1956. 154 с.
7. Современный толковый словарь русского языка. 90 000 слов и фразеологических выражений. СПб.: НОРИНТ, 2002. 950 с.
8. Толковый словарь адыгейского языка. Майкоп: Полиграф – ЮГ, 2013. 552 с.
9. Хатанов А. А., Керашева З. И. Толковый словарь адыгейского языка / Адыг. научно-исслед. ин-т экономики, языка, литературы и истории. Майкоп, 1960. 696 с.
10. Чарая П. Об отношении абхазского языка к яфетическим. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1912. 82 с.
11. Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков: в 2-х т. М.: Наука, 1977. Т. 1. 290 с.
12. Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков: в 2-х т. М.: Наука, 1977. Т. 2. 224 с.
13. Яковлев Н. Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 372 с.
14. Яковлев Н. Ф., Ашхамаф Д. А. Грамматика адыгейского литературного языка. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 464 с.
15. Dumézil G. Caucasicque du Nord-Ouest et parlers scythiques // Istituto orientale di Napoli. Annali. Sezione linguistica. Roma, 1963. V, dicembre. P. 17-40.
16. Kuipers A. H. Phoneme and Morpheme in Kabardian. Gravenhage, 1960. 124 p.
17. Meszaros J. Die Päkhy-Sprache. Chicago, 1934. 403 p.

THE ADYGHE (CIRCASSIAN) ETYMOLOGICAL STUDIES

Ivanokov Nurbi Rashidovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor, Associate Professor
 Bizhiov Boris Chamalovich, Doctor in Philology
 Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre
 of the Russian Academy of Sciences, Nalchik
 kbigi@mail.ru

The article offers new versions of the origin of the words *ажэ/аччэ* “goat for service”, *дыгъэ/ттыгъэ* “sun”, *дыжъын/ттыжъыны* “silver”, *жэйын/ччыйэн* “sleep”, “fall asleep”, *кхъуей/кхъуайэ* “cheese”, *мальхэ/махъулэ* “son-in-law”, *напIэ* “eyelid”, *напIэ* “forehead”, *напIэ* “spiky”, *нашъIэ/нашIэ* “mustache”, *пхъуантэ/пхъуант* “chest”, *пхъуы* “daughter”. The vernacularity of these words is proved by the material of the Adyghe dialects taking into account the latest achievements in the field of historical grammar and phonetics.

Key words and phrases: derivational affix; borrowing; origin; meaning; morpheme; original form; the Adyghe-Abkhazian.

УДК 811.111-26

Данная статья посвящена рассмотрению феномена сожаления с точки зрения когнитивного и семантического подходов. Дается общее представление о феномене сожаления в языковом сознании. Описываются когнитивные модели репрезентации сожаления в английской языковой картине мира. Авторы выделяют синтаксические модели вербализации феномена сожаления, фокусируясь на грамматических конструкциях с инфинитивом и герундием. Также уделяется внимание конструкциям, в которых феномен сожаления представлен имплицитно.

Ключевые слова и фразы: языковое моделирование; концепт; эмоциональное состояние; оценка; лексема; вербализация.

Игнатьева Анастасия Сергеевна, к. филол. н., доцент
 Калинин Виталия Валерьевна, к. филол. н., доцент
 Сонголова Жанна Геннадьевна, к. филол. н., доцент
 Иркутский государственный университет
 anastasia.ignatieva@gmail.com; vitaliya1@yandex.ru; songzh@rambler.ru

ЯЗЫКОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ФЕНОМЕНА СОЖАЛЕНИЯ

Актуальными вопросами современной лингвистики являются вопросы изучения языковой системы, ее внутренней организации, системных отношений в языке. Одним из таких вопросов является репрезентация эмоций. Предметом лингвистических исследований выступают различные эмоции, а именно: вина [3], стыд [6],